
**ЛИРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ ГЕРОЕВ
РОМАНА АНДРЕЯ БИТОВА “ОЖИДАНИЕ ОБЕЗЬЯН”**

МАТЕВОСЯН Э. А.

В ранней прозе А. Битова часто фигурировали герои, вводимые в повествование под “откровенным” местоимением “Я”. Об эгоцентризме битовской прозы писали многие исследователи его творчества: И. Роднянская, Л. Аннинский, Н. Иванова. Но лирическое “Я” у А. Битова никогда не было однородным, уже тогда оно включало и автора, и героя. Критики по-разному рассматривали это раздвоение: И. Роднянская называет его “сдвоенным битовским автоперсонажем”¹, а О. Славникова – “матрешкой собственного “я””². В сравнительно поздних произведениях писателя это раздвоение обретает более значимый характер, становясь движущей силой всего повествования. Наиболее рельефно оно проявляется в романе “Ожидание обезьян”.

Роман, являясь завершающей частью трилогии “Оглашенные”, которая писалась на протяжении десятилетий, не только вбирает в себя опыт предыдущих произведений автора, но и раскрывает проблему двойственности героя как одну из составляющих авторского бытия. Один из исследователей романа – Б. Аверин даже утверждает, что автор размножен в своих героях. “Автор “Оглашенных”, – пишет Б. Аверин, – раздвоен, расстроен, распят. Он хочет быть самим собой и всем”³. В последней части трилогии, романе “Ожидание обезьян”, писатель в том же ключе рассматривает окружающий мир и своего героя, дабы познать этот мир до мельчайших деталей, но и осознать ценность своего “я”.

Роман “Ожидание обезьян” создавался в сложный исторический период, с 1991 по 1993 годы, представляющий границу двух миров: советского и постсоветского. Жизнь словно остановилась, и для вступления в будущее необходимо было осознать прошлое, оценить его место и роль в настоящем. Двойственность героя произведения,

¹ Роднянская И. *Новые сведения о человеке (Битов А. Обоснованная ревность, М., 1998, с.10).*

² Славникова О. *Существование в единственном числе*, <http://magazines.russ.ru/novyi-mi/1999/7/slavnik.html>

³ *Русский экологический постмодернизм: роман Андрея Битова “Оглашенные”*, <http://www.rudocs.exdat.com/docs/index-15601.html?page=55>

написанного в этот период, и есть зеркальное отражение столь же двойственной, полной противоречий эпохи. И А. Битов, в основе поэтики которого "лежит принцип жизнеустройства или восстановления реальности"⁴, сквозь призму многоликости героя по крупницам воссоздает истинную картину мира.

Двойственность героя проецируется на весь текст романа. Она задана уже в первой главе, написанной от первого лица. Два равноценных начала двуликого героя – "Я" и "Он" порождены противоречием и противостоянием. "... и не успел я поставить точку, как Он стряхнул цыпленка с ноги и, прежде чем я успел о чем-либо таком подумать, уже достал ни разу еще не ношенные мною белые джинсы и впрыгнул в них..."⁵. В этом противостоянии выделяется положительный "я" и отрицательный "он". "Я" – скромный, мягкий трудоголик, тогда как "Он" – пьяница и лентяй. "Я" – это сфера сознательного, "Он" – инстинктивного и чувственного. В критике бытует мнение, что это дихотомический образ повествователя, однако это не взаимоисключение, а взаимодополнение, своего рода дуализм сознательного и подсознательного.

В самом начале романа налицо некое объединяющее "мы" как попытка воссоединения "я" и "его". Но это "мы" оказалось неестественным и еще больше оттенило разногласия: "Мы работаем", – беззастенчиво заявлял я. Хотя о какой работе могла идти речь, когда Он впал у меня в такое уныние от всей этой "силы воли"! Я скрывался в доме как узник, всем селом, всем миром они жалели Его"⁶, – пишет А. Битов.

Интересно, что в первой главе доминирует "он". Именно "его" принимают как гостя, жалеют, в то время как "я" остается безликим и незамеченным. "Я" постоянно пытается доказать свое превосходство, причем чаще всего путем очернения "его". Но чем больше бесчинствует "он", тем больше "я" со своей праведностью отходит на второй план. "Он" востребован, в то время как "я" забыт и не замечен. Писатель мастерски накаляет ситуацию, показывая как внутреннее противостояние превращается в открытую неприязнь. "Я"

⁴ *Поэтика русского модернизма в прозе 1990-х годов. <http://www.Allydota.ru/item/items90328.html>*

⁵ *Битов А. Г. Оглашенные. Роман-странствие, СПб., 1995, с. 159.*

⁶ *Там же, с. 160.*

откровенно признается: “И здесь уже нет сил не поймать себя на том, до чего же он мне мешает!”⁷.

На протяжении всей главы “я” и “он” то сближаются, то отдаляются друг от друга. Подсознательный “он” то и дело вырывается наружу и занимает место сознательного “я”. Но подобные перестановки длятся недолго, и герои быстро возвращаются на исходные позиции. Однако именно в эти относительно короткие периоды и проявляются все их различия: у них разные вкусы в одежде, напитках (“он никогда не пил шампанского”) и даже в отношении женщин. Красочно описана встреча в НИИ: “Он смутил девушек окончательно, безраздельно завладев ими всеми сразу. Та, которая мне нравилась, была, однако, напугана не на шутку. Зато интеллигентная машинистка смотрела с откровенным обожанием, чего мне как раз не хотелось”⁸.

Писатель использует мотив разногласий с целью подчеркнуть благородство “я” и нравственное падение “его”, которое иллюстрируется натуралистической сценой, где “он” пьяный падает на землю. Отстраненность между “я” и “ним” в тексте проявляется также переходом от монологической речи к открытому диалогу к концу главы.

В конце первой главы теперь уже абсолютно полярные “я” и “он” снова меняются местами. “Он” облагораживается, воплощается в коня, заданного еще в названии главы и несущего всю идеологическую нагрузку, перед “ним” открыты врата Рая, это ему дана возможность постичь тайны мира сего. А “я” всего этого лишен. Интересно, что вся картина “его” эпического воплощения в коня дана в потоке сознания “я”, передаваемого в несобственно-прямой речи. Возвышая “я” над “ним”, писатель в самый ответственный момент резко меняет свою позицию, открывая “ему”, подсознательному, больше возможностей познания, преодоления насущных проблем, наконец, райского блаженства, чем сознательному “я”. В первой главе, в поисках рая, А.Битов отдает предпочтение чувствам и инстинктам.

Двойственный образ автора-героя в книге не единичен. Уже в самом начале появляется другой двойственный образ – Аслан-Неаслан. В отличие от автора-героя, двойственность которого зафиксирована с самого начала, Аслан сначала предстает в образе “высшей степени

⁷ Там же, с. 205.

⁸ Там же, с. 195.

достойного молодого человека"⁹. Но затем появляется полностью идентичный двойник Аслана. "Я подумал, – признается писатель, – что Аслан накурился и морочит меня". Но постепенно появляются черты двойника: "Это был не Аслан. Это был старший на четверть часа брат Аслана – Астамур"¹⁰. Двойственность из философской категории плавно переходит в материальную субстанцию. У двойника, вполне реального, есть имя Астамур. Но писатель единожды назвав двойника Астамуром, далее нарекает его новым именем – Неаслан, подчеркивающим связь с Асланом. Однако трансформация Аслана на этом не заканчивается. Автор дает новые производные имени героя, тем самым подчеркивая его открытость к переменам и собственное изменчивое восприятие, где сначала появляется сомнение – Толиаслан, а затем констатация полной противоположности – Антиаслан.

Двойственность Аслана-Неаслана во многом оттеняет отношения между "я" и "он", подчеркивая их типичность. В то же время писатель моделирует новую категорию двойственности, в основе которой лежит не отталкивание, а притяжение: братья-близнецы нежно привязаны друг к другу. Писатель опутывает текст паутиной двойственности, показывая связь между геро-ями – двойниками. Связующие звенья вполне логичны: "я" и Аслан связаны как положительные образы, "он" и Неаслан – как отрицательные, не вписывающиеся в рамки общепринятых норм. "Он", как и Неаслан – сорвиголова. Между "ним" и Неасланом, который предлагал пойти на дело, возникает "немедленное взаимопонимание", красочно описанное писателем: "Он, до того дремавший, тут же очнулся, и стал в это не свое дело рваться"¹¹. Но в очередной раз сознательные "я" и Аслан сдерживают их порыв. Герои-двойники и их перекрестная связь передают нарастающее напряжение действия, а также подчеркивают значимость двойственности как для личности героя, так и для его окружения.

Иначе проявляется двойственность во второй главе. Здесь фигурирует "я" и исчезает "он", но "я" в свою очередь раздвоено на ПП и ДД. ПП – Павел Петрович – анфас, ДД – Доктор Докторович – профиль. Причем оба героя названы двумя одинаковыми заглавными

⁹ Битов А. Г. *Оглашенные. Роман-странствие*, с. 160.

¹⁰ Там же, с. 161.

¹¹ Там же, с. 162.

буквами, и это особый вид двойственности с усиленным повтором, своего рода умножением. И если в случае с Павлом Петровичем мы имеем дело с именем и отчеством, вполне возможными в реальности, то в случае с Доктором Докторовичем двойственность сгущается не только повтором предполагаемого имени и отчества, но и подчеркиванием статуса человека из мира науки.

Двойственность ПП и ДД отличается от двойственности “я” и “он” и тем, что вторая глава написана от третьего лица, и в повествование вклинивается третье лицо – рассказчик, который отсутствовал в первой главе, написанной от первого лица. ПП и ДД не так полярны, как “я” и “он”, а потому толерантны к появлению рассказчика, в то время как эгоцентризм двойственности “я” – “он” не допускает вмешательства третьего лица. Павел Петрович и Доктор Докторович уже были героями битовских произведений, а “он” – это новая проекция героя, более яркая и требовательная.

ПП и ДД не находятся по разные стороны баррикад, их не разделяет граница, они сосуществуют на пограничной зоне. Они идут в одном направлении, к одной цели. ДД несет на себе груз науки, как Фауст Гете, а ПП подталкивает его к открытиям, подстегивает, как Мефистофель. Не случайно местом действия выбрана пограничная зона, это своего рода возможность слияния разных пространств, и “только в условиях сравнения возможно появление мысли”¹². Вот почему мыслители ПП и ДД стали героями второй главы. И ПП, и ДД появляются в первой главе, но как полноценные проекции героя фигурируют только во второй, где чувства и инстинкты уступают место мысли и разуму.

В третьей главе романа мысли и чувства сплетаются в одно целое. “Я” доминирует, возвращается “он”, ПП и ДД занимают свои позиции, и даже присутствует рассказчик, названный Автор-ханом в доказательство своего исключительного права стоять во главе отряда. “Ствол был сюжет, герои – ветви, на ветвь главного героя уселся автор: автор-хан смешанного варварско-скифского-кипчакского происхождения, стал у отряда вождем”¹³.

Автор-хан как одна из проекций героя интертекстуально связан с пушкинским “Арионом”. Пушкинская традиция, доминирующая во

¹² *Поэтика русского модернизма в прозе 1990-х годов.* <http://www.Allydota.ru/item/items90328.html>

¹³ **Битов А. Г.** *Оглашенные. Роман-странствие*, с. 326.

всем творчестве А. Битова, своеобразно проявляется и в этом романе. Писатель проводит интересную параллель между образами автор-хана и Ариона, вводимого в повествование неоднократными цитатами из стихотворения А. Пушкина. Оба бесстрашные, дерзкие борцы. Но автор-хан оказался сильнее мифического Ариона, он спасся не один, были живы все герои, возведенные А. Битовым в ранг "солдат Империи". Эта проекция героя заслуженно занимает место вождя.

Но, несмотря на наличие вождя, в отряде героев царил хаос. Противостояние между "я" и "он", подчеркиваемое натуралистическими зарисовками, продолжалось: "Я погибал – Его спасали", "Он опускался – меня опускали", "Он обижал – я обижался". И хотя в третьей главе "я" говорит о своем исчезновении: "Разве не видно, что меня уже и нет никакого совсем?"¹⁴ – именно здесь, наконец, вырисовывается автопортрет "я". "Я" выписан довольно реалистично, с частичкой самоиронии: "...русский писатель, продолживший традицию, у которого вещи валяются на полу, у которого нет под рукой штопора, и он выбивает пробку ударом руки"¹⁵. На этом фоне еще более рельефно вырисовывается "он".

В третьей главе Битов последовательно раскрывает все скрытые ипостаси двойственности "я" – "он": силу притяжения, отторжение, повторение и, наконец, разрушение. Неприязнь между "я" и "он", намеченная еще в первой главе, к концу книги выливается в откровенный антагонизм. "Я" пытается быть честным и праведным, берет на себя ответственность, тогда как "он" ест, спит и бездельничает. "Я" сохраняет за собой право вечно бранить "его", но "он" находит в себе силы раскрыть истинный образ "я", который не так уж праведен.

И далее двойственность, обретая новые формы, переходит в иную плоскость: она рассматривается в контексте библейской притчи о фарисее и мытаре. "Он" убедительно и последовательно доказывает фарисейство "я". Не случайно именно "он" стремится к очищению, к облагораживанию. И "ему", как истинному мытарю, отпускают грехи. Красочное описание ритуала отпущения грехов путем поднятия огромного камня (битовская интерпретация местной легенды) позволяет "ему" вырваться из плена, в который на целую главу заточил его "я". Двойственность "я" – "он" вновь становится движущей силой текста. В текст снова врывается спор чувства и мысли, переданный в

¹⁴ Там же, с. 295.

¹⁵ Там же, с. 289.

своеобразном диалоге, записанном в форме монолога. Этот монолог на скрытом, подсознательном уровне подчеркивает привязанность героев друг к другу.

Из всех проекций героя именно “он” оказывается самым многоликим. Автор-хан, ПП и ДД фигурируют в четко отведенном им месте, тогда как “он” раскрывается в самых неожиданных ракурсах. Именно “его” биография наиболее полно представлена в романе: А.Битов описывает “его” рождение, “его” героическую гибель, “его” возрождение в самый ответственный момент.

“Он” родился во время бунта, когда герой сбежал от очередной ноябрьской демонстрации на природу, чтобы ощутить свободу. Бунтарство, заложенное в нем от рождения, становится его жизненным кредо. Бунтарство и делало из него мытаря, полную противоположность фарисею “я”. Но мытарь был прощен, более того, “его” героическая гибель во время пожара, когда “он” бросился спасти рукопись, которой “я” настойчиво приписывал свое авторство, стала символом “его” очищения. Возрождение “его” было востребовано временем и одиночеством “я”. “Он” возвращается спустя семь лет, в переломный исторический период (19 августа 1991 года), который может быть расценен как своего рода пожар. Завуалированные годы жизни “я” без “него” почти не описываются. Тем самым писатель подчеркивает, что двойственность героя и есть движущая сила всей книги.

Последнее противостояние героев, после “его” возрождения, писатель передает в виде диалога, теперь уже записанного в форме прямой речи. Примечательно, что когда “я” и “он” отдаляются друг от друга, их разговор передается в цельном монологе. Когда же они ближе друг к другу как никогда, речь становится более фрагментарной. Возрождение “его” не случайно, писателю тем самым удается подчеркнуть значимость каждой ипостаси своего героя.

Проекции героев романа разноплановы и в то же время взаимозависимы. Их всех объединяет точка отсчета – лирическое “я”. Герой Битова сохраняет свою целостность именно благодаря своим двойникам. Двойственность героя автора не только формо- и стилеобразующая составляющая романа, но и попытка осознать “ценность и единственность собственной личности”¹⁶. Проблема автора-

¹⁶ *Русский экологический постмодернизм: роман Андрея Битова “Оглашенные”*. <http://www.rudocs.exdat.com/docs/index-15601.html?page=55>

героя как одна из основных в идеологии постмодернизма имеет несколько вариаций. Но чаще всего “традиционный герой ...идеологически становится еще более другим, не похожим на своих предшественников, и в отношении с миром на полных правах вводит идею двойничества”¹⁷. Двойничество битовских героев – это своего рода стратегия выживания в сложных условиях балансирования на грани реальности и ирреальности, жизни и смерти, старого и нового, так точно и последовательно вырисованных писателем.

**ՀԵՐՈՍԻ ԼԻՐԻԿԱԿԱՆ ՊՐՈՅԵԿՏԻԱՆԵՐԸ
Ա. ԲԻՏՈՎԻ «ԿԱՊԻԿՆԵՐԻ ՍՊԱՍՈՒՄԸ» ՎԵՊՈՒՄ**

ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ Է. Ա.

Ամփոփում

Ա. Բիտովի «Կապիկների սպասումը» հետմոդերնիստական վեպում բացահայտված է գրողի ստեղծագործական հիմնախնդիրներից մեկը՝ հերոսի երկակիության խնդիրը: Վեպում դրսևորվում են գլխավոր հերոսի միանգամից մի քանի պրոյեկցիաներ՝ «Ես», «Նա», հեղինակ, ՊՊ, ԴԴ: «Ես»-ը և «Նա»-ն ներկայանում են որպես երկու տարարժեք հիմքեր, որոնք ծնունդ են առել հակասություններից ու հակադրություններից: Սակայն գլխավոր հերոսի բոլոր պրոյեկցիաներից առավել բազմերանգը «Նա»-ն է, որը բացահայտվում է ամենաանհավանական տեսանկյուններից: Երկրորդ գլխում ի հայտ են գալիս ՊՊ-ն և ԴԴ-ն, որոնք արտահայտում են մտքի և բանականության ոլորտները: Հեղինակինը՝ որպես հերոսի պրոյեկցիա, ի հայտ է գալիս միայն երրորդ գլխում: Նա հայտնվում է որպես առաջնորդ: Երկակի հերոսները հեղինակային ռազմավարության արտացոլումն են իրականության և անիրականության պայքարում:

HERO'S LYRICAL PROJECTIONS IN "THE MONKEY LINK" BY A. BITOV

E. MATEVOSYAN

Abstract

A. Bitov's postmodern novel "The Monkey Link" portrays several projections of the main hero's character: "I", "he", author, PP, DD. "I" and "He" are represented as two equal sources generated by contradiction and confrontation. "I" represents the field of consciousness, while "He" is the more diverse one of them. In the second chapter, appear PP and DD. They are the sphere of thought and intellect. The author, as one of the hero's projections, comes out only in the third chapter. He is the leader. The dual heroes reflect the author's strategy to survive the struggle of real and virtual life.

¹⁷ **Алексамян Е. А.** *Человек и мир в литературе постмодернизма (Актуальные проблемы литературы и культуры, ч. I, Е., 2008, с. 15).*